

ДИАЛЕКТИКА ПАМЯТИ И ЗАБВЕНИЯ В ПУБЛИЦИСТИКЕ МИХАИЛА КУРАЕВА

В. А. Сидоров

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 8 февраля 2023 г.

Аннотация: в статье рассматриваются ключевые аспекты понимания истории в произведениях публицистов, в том числе проблемы медиатизации всех аспектов социальной реальности, приобретения ею онтологических свойств новой, цифровой реальности. Поскольку процесс медиатизации непосредственно захватил духовную сферу, историческую память общества в том числе, то на авансцену интерпретации событий и фактов истории вышел вопрос о понимании феномена «память/забвение». Поднятые вопросы рассматриваются по результатам анализа публицистических выступлений писателя Михаила Кураева. Исследование носит аксиологический характер, применяются методы контент-анализа, интен-анализа, проведение фокус-группы.

Ключевые слова: память, забвение, публицистика, медиа, ценности.

Abstract: the article examines key aspects of understanding history in the works of publicists. Among them are the problems of mediatization of all aspects of social reality, the acquisition of its ontological properties by the new, digital reality. Since the process of mediatization has directly captured the spiritual sphere, including the historical memory of society, the question of understanding the phenomenon of «memory/forgetting» has come to the forefront of the interpretation of events and facts of history. The issues raised are considered on the basis of the analysis of the publicist speeches of the writer Mikhail Kuraev. The study has axiological character, the methods of content-analysis, inten-analysis and focus-group conducting are applied.

Keywords: memory, oblivion, journalism, media, values.

1. ВВЕДЕНИЕ

Цикл из четырех публицистических статей писателя Михаила Кураева с акцентированным в заголовках рефреном «Кому не нужна наша история?» был напечатан в феврале-марте 2022 г. газетой «Санкт-Петербургские ведомости». Статьи публициста легли в основу состоявшейся в рамках курса аксиологии журналистики студенческой дискуссии по вопросам актуализации ценностей исторической памяти в условиях обострения военно-политической ситуации вокруг России. Обсуждение далеко не простой проблематики приоткрыло завесу над еще более сложной темой — присутствием в журналистской культуре феномена памяти/забвения. Именно так, вслед за современными подходами философов, участниками дискуссии стал трактоваться вопрос о том, какая она, память в национальной культуре, какое выражение находит в медийной среде: что и почему помнится, а что и почему предается забвению, как должна выглядеть подлинность/мнимость памятного, в чем политико-культурный смысл забвения того или иного исторического опыта.

Так предопределился главный ракурс анализа проблематики, согласно которому «забвение не является врагом памяти, память может существовать в равновесии с забвением» [1, 65]. В сущности, был

поставлен вопрос о том, что память и забвение представляют собой диалектически единый феномен, для которого одинаково важны две его стороны, находящиеся, казалось бы, во взаимном отрицании, но по сути функционально дополняющие друг друга.

Актуализация исторической памяти выглядит особенно обостренной, когда она соответствует процессам «консолидации социума, формирования культурной и гражданской идентичности каждого из его членов. Без памяти не может быть ни человека, ни социальной группы, ни государства. А согласие по поводу памяти прошлого — центральный, ключевой момент формирования идентичности: социальной, национальной, культурной» [2, 132]. Достижение такого согласия почти всегда обусловлено построениями нового понимания истории и разрушениями прежнего. Поэтому процесс непременно происходит в медийной среде как обращенной ко всем стратам общества. Таким образом формируется, по словам культуролога, коммуникативная память, в которой «прошлое сворачивается в символические фигуры», при этом «культурному воспоминанию присуще нечто сакральное» [3, 52, 54, 55].

По своей сути публицистика не является научным произведением, она обращена к сознанию аудитории СМИ — как традиционных, так и возникших за последние 10–20 лет в интернет-пространстве. Вместе с тем публицистика, являясь одной из высо-

ких ступеней профессионализма журналистов и в целом литераторов, непременно несет в себе массивы научного знания, ибо только в опоре на научное познание мира она может быть трибуной публичного разума. Такого уровня публицистика никогда не станет массовым явлением, потому что талант и культура публициста формируются в длительном творческом процессе, носят особый характер, а лучшие образцы публицистики могут быть востребованы читателем через многие годы. Так что изучение отдельных публицистических произведений или их небольшой совокупности не менее важно, чем популярный в современной гуманитарной науке анализ больших данных.

Для понимания и оценки результатов проведенного нами исследования вкратце охарактеризуем цикл статей Михаила Кураева, акцентируя при этом время его публикации — зима-весна 2022 г.; две первые статьи увидели свет буквально за считанные дни до начала специальной военной операции на Украине, и их понимание читателями было адекватно обстановке в стране до 24 февраля, дня начала СВО, а вот последующие неизбежно воспринимались аудиторией в соответствии с новой после этой даты политической повесткой.

Первая статья «Календарь новой России. Кому не нужна наша история?» возвращает читателя к публично освещаемым или специально преданным забвению фактам российской истории. «Открываю Интернет, — пишет Михаил Кураев. — В рубрике “В этот день в истории” — с десятков сюжетов. Оказывается, в этот день в 1893 году в Англии был принят новый закон о каком-то там налоге. Спасибо, что напомнили. Припомнили конгресс по итогам Русско-турецкой войны, забыв сказать, что условия ее окончания победительнице России диктовали Англия и Австро-Венгрия, в эту войну нас и втравившие... Ладно. Вспомнили что-то из спортивных событий, что-то конькобежное из 1909 года. А вот 9 января 1905 года, Кровавое воскресенье, упомянуто не было. Что-то помешало. Хотелось бы узнать, что?» [4].

Во второй статье «Забятая дата. Как Александр II отменил крепостное право в России» Михаил Кураев вспомнил китайского философа: «Конфуция спросили, что бы он сделал, если бы стал Богом? Я назвал бы вещи своими именами, сказал мудрец. Историкам для этого не нужны чрезвычайные полномочия, но по разным причинам они предпочитают не называть вещи своими именами» [5]. Назвал вещи своими именами публицист: вспоминая царский Манифест об освобождении крестьян, не о крепостном праве сказал публицист, сказал о рабовладении, приводя в подтверждение 14 достоверных исторических фактов о подлинном лице крепостного права.

Третья статья «Исторический контекст. Кому не нужна наша история?» затрагивает острый во-

прос современной оценки того или иного трагического события прошлого и приходит к мысли о невозможности примирения на этот счет носителей разных политических взглядов. В данном случае речь о покушении на императора Александра II, на которое «у наших историков сложились две точки зрения. В одном случае безапелляционно утверждалось: в воскресенье, 1 марта 1881 года, государь в 14 часов ехал в Зимний дворец, чтобы подписать своей даровать России конституцию. В другом, государь в этот день никаких исторической важности документов подписывать даже не собирался» [6].

В четвертой статье цикла «Кому не нужна наша история? О вступлении русских войск в Париж» вопрос о памяти и забвении выносится за пределы страны и в полном соответствии с повесткой дня адресуется зарубежным недоброжелателям России XXI века, но на самом деле обращен к внутренней аудитории, к нашим интенциям в оценке фактов исторической памяти. Автор статьи в заключение приводит высказывание Д. И. Менделеева: «Наша земля представляет великий соблазн для окружающих нас народов. Нам необходимо быть начеку, не расплываться в миролюбии, быть готовыми встретить внешний напор...» Писатель уверен, что в сказанном великим ученым «не потускнело ни одно слово, как и значки в его признанной всем миром таблице удельных весов. Вот и “удельный вес” России он определил с безупречной точностью. Хорошо, если бы и этот урок ...усвоили и наши соотечественники, и, как он выразился, окружающие нас народы» [7].

Михаил Кураев, рассматривая факты медийной реальности, вскрывает односторонний, зависящий от субъективного начала характер их подачи. При этом феномен памяти/забвения дробится, в объектах дробления приобретает черты двух образований — памяти и забвения, которые якобы между собой не связаны. Дробление памяти/забвения участвует в медийном формировании недостоверной повестки дня, в которой «факт и фейк свободно переходят друг в друга, создавая фейкт — единицу цифрового опыта. ... факт и фейк вступают в отношения взаимодополнительности» [8, 319, 321]. Безусловно, такого рода явления усложняют современную информационную ситуацию, и в конечном счете «виртуальная реальность, утверждает Славой Жижек, является средой текучести контуров и нелинейности точек самоидентификации» [9]. В такой среде феномен «память/забвение» теряет свою определенность. Но этот процесс бесповоротным назвать нельзя, так как в нем принимают участие по-разному и по-своему мыслящие акторы медиа. И поэтому мы рассматриваем диалектику проявления памяти и забвения как единый феномен современной медийной реальности. Факты медиатизации прошлого, проанализированные в статьях Михаила Кураева, послужили объектом нашего изучения.

2. МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

На основе избранной для исследования методологии предусматривается рассмотрение в медийной практике феномена «память/забвение». Поэтому в статье анализируются наиболее заметные представления о памяти/забвении, сложившиеся в работах отечественных и зарубежных ученых (Ю. Лотман, Г. Тульчинский, Ф. Анкерсмит, Я. Ассман, П. Рикёр и др.). Проведенный на их основе анализ теории вопроса о функционировании исторической памяти и сопутствующего ей забвения подкрепляется результатами формализованного изучения текстов статей Михаила Кураева.

В качестве резонеров выступают студенты — участники фокус-группы, организованной для обсуждения вопросов культурной и исторической памяти в современной российской медийной среде, в том числе публицистами. Контент-анализ публицистики (на примерах статей Михаила Кураева) дополнен проведением определенных процедур интен-анализа: отбирались фрагменты текстов, содержащие интенции второго уровня — коммуникативные, то есть опирающиеся на социальный опыт. Как известно, «сознание и его репрезентации мира не могут существовать без опыта. Без опыта нет сознания», — пишет Ф. Анкерсмит, при этом ставит перед учеными задачу «реанимировать понятие опыта» [10, 26–27]. Интенции второго уровня имеют двусоставную структуру: обозначают объект и фиксируют отношение к этому объекту. Тем самым оценки и целеуказания, фиксируемые в тексте публициста, вызывают необходимость ценностного анализа интенций автора. В результате понимание памяти/забвения в медиа получило определенное углубление.

Интенции второго уровня вписываются в свойства личности, а также в исторический опыт человека, «вступающего в новый мир и сознающего бесповоротную утрату прежнего мира... Тогда “мировая мудрость” вещает его устами, а его личная духовная схватка с тем историческим миром, в котором он живет, будет ничуть не менее интересна, нежели проблемы этого мира» [10, 368–369]. В данном случае такой личностью является публицист.

3. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Современная наука вплотную подошла к идее, согласно которой «основу исторической памяти человека и общества создает та коммуникационная и информационная среда, в которой он находится» [11, 185]. Сегодня все чаще говорится о медиатизации не только всего того, что окружает человека в мире, но и того, что было когда-то, потому что современное сознание индивида и общественное сознание в целом оказываются непосредственно зависимыми от наших представлений о прошлом. Более того, мы эти же представления сами и формируем, когда весь

предшествующий исторический опыт «подвергается ярко выраженному процессу медиатизации реальности, то есть происходит сдвиг в парадигме СМИ и коммуникационных исследований, при котором медиа выступают посредником при воспроизводстве исторического знания... Медиа существенно влияют на историческое познание, изменяя реальность истории, делая ее в высшей степени субъективно ориентированной» [12, 359]. Медиатизация означает не только представленность какого-либо объекта в информационном поле социума, но и его символизацию, то есть закрепление за ним определенного образа. Факты исторической памяти закрепляются в культурных символах, которые воплощают в себе «доминирующие в обществе ценности, являются их носителями... Система культурно-исторических символов — часть национального и гражданского самосознания, выражающая отношение к нации и стране» [13, 77–78]. И как тут не вспомнить Ю. Лотмана с его идеей о том, что «смыслы в памяти не “хранятся”, а растут» [14, 674–675].

Статьи писателя прошли процедуру контент-анализа в качестве единого текста. Интен-анализ полученных данных позволил определить три аспекта авторского обращения к ценностям исторической памяти: 1) память/забвение (11 раз), 2) память (12 случаев непосредственного обращения к этой ценности) и 3) забвение (5 случаев выделения данной ценности).

Однако более внимательное изучение всех эпизодов обращения автора к феномену памяти показывает, что даже в тех случаях, когда публицист говорит исключительно о памяти, никак «не примешивая» к ее значению противоположное ей забвение, все равно интенции того или иного смысла сказанного подразумевают оборотную сторону феномена. Так, явно подчеркнута в тексте значение подлинности памяти: «Помню красный диабаз на площади перед Нарвскими воротами, там пролилась кровь... По мирным людям стреляли...» [4]. Но и оно подспудно таит в себе некий острый диалог с теми, кто отрицает подлинность этой памяти. Увидеть такую подспудность позволяет анализ контекста. Так, в этой же статье содержится нескрываемый посыл насчет бытующего в медийном мире забвения: «Открываю Интернет. В рубрике “В этот день в истории” — с десятков сюжетов [перечисление]. ...А вот 9 января 1905 года, Кровавое воскресенье, упомянуто не было». И там же — «Как не вспомнить о том, что о человеческих жертвах обстрела из танков и штурма Верховного Совета РФ нынешняя история умалчивает. А штурм был долгим. ...Но разве нашей истории эти подробности, да и цифры жертв нужны?» [4]. В этой писательской интенции уже отмечается непосредственное восприятие памяти и забвения как органичного целого, хотя и подчеркнута, что забвение носит намеренный характер. Такая интенция — «забвение носит намерен-

ный характер» — в цикле статей возникает в **девяти** случаях, плюс к тому в **двух** эпизодах усиливается представлением о «фейке беспамятства». М. Кураев негодует по поводу того, что общество намеренно «освобождают» от груза исторических знаний, заслоняя подлинно грандиозное ничего не значащим событием: «Это сколько же народа нынче усердно заботится о том, чтобы нам жилось с облегченными от этого груза душами и мозгами!» [4]. И это неприятие публициста семь раз рефреном звучит в вопросе «Кому не нужна наша история?»

Писатель не столько негодует, не столько показывает своему читателю специально создаваемое в обществе беспамятство, ибо убежден, что тот, кто ему «неудобные» факты истории передает забвению, сам-то их помнит, сколько активно сопротивляется этой тенденции — своими интенциями показывая, как важно придерживаться подлинности в исторической памяти публициста, и эту позицию автор подчеркивает в **девятнадцати** случаях. К этому ряду примеров присовокупим еще **восемь** эпизодов, среди них актуальный (март 2022 г.). Публицист процитировал несколько строк из воспоминаний Наполеона: «Мне надо было вытеснить Россию из Европы... Надо было победить русских и заставить их принять границы, начертанные острием меча». Привел слова императора и прокомментировал их, явно учитывая политическую ситуацию с началом специальной военной операции на Украине: «Признание это многое объясняет не только в давней истории... Чем может ответить Россия на обещание определить ее границы “острием меча”?» [7]. Так обнаруживается намерение писателя артикулировать историческую память как производное политики потомков, а феномен памяти/забвения как проблему публичной истории.

Рост смыслов исторической памяти прежде всего обнаруживается в медийной среде, в которой органично выглядит информационная дуэль между сторонами диаметрально противоположных взглядов на связь истории и современности. Противопоставление смыслов прошлого вытекает из разных взглядов на обретение обществом социокультурной идентичности, потому что «идентичность основана на памяти и воспоминании о прошлом» [3, 93]. Однако современным ученым делается разумное предостережение о том, что в отличие от истории память представляет собой сложное «эмоциональное переживание, допускающее манипуляции, изменения, вытеснения, забвения» [15, 63–64].

Согласимся с теми, кто предупреждает, что манипуляция с историей России «не имеет прямого отношения к прошлому. Речь об активной фазе... формирования российской идентичности» [2, 141]. В том же ключе проблема рассматривается и в другом труде: его автор сталкивает два фактора — «культуру намеренного увековечения и культуру намеренного разрушения, которые одинаково значимы в процессе...

формирования национальной идентичности» [15, 62]. В сущности, это и есть те «злоупотребления памятью, которые одновременно являются и злоупотреблением забвением» [16, 118]. Так критика отдельных медийных процессов под пером философа оборачивается утверждением диалектического единства феномена «память/забвение».

Понимание единства и противоположности составляющих феномена не может состояться без учета всех составляющих современного облика социума, его социально-политических проблем, без учета господствующей идеологии, «в рамках которой предаются забвению невмещаемые в ее “прокрустово ложе” феномены истории и актуализируются адекватно отвечающие ей факты...» [15, 63–64]. Но в полном соответствии со скепсисом Ф. Анкерсмита, полагающего термин «память» спекулятивным, другой российский исследователь пишет о том, что «сегодня историческая память становится инструментом решения политических проблем *ситуативного* характера» [17, 227]. Анкерсмит избегал понятия «память», считая, что картины прошлого покрыты сплошной коркой интерпретаций, потому и рассматривал как предмет анализа исторический опыт, видя в нем «“ответ” историка на “зов” прошлого» [10, 186, 188], но при этом по-своему раскрыл проблему забвения. Из заключений философа явно просматривается единая сущность феномена «память/забвение». Ф. Анкерсмит предлагает нам четыре типа свойств забвения:

- ...то, что вначале не имело никакого значения, может оказаться неожиданно важным позднее;
- историки “забывают” о решающем значении части фактов прошлого — они не знают о значении определенных причинных факторов;
- бывает, появляются все основания забыть о прошлом, когда память о нем слишком болезненна;
- человек вступил на порог совершенно нового мира, потому что забыл прежний и отрекся от предшествующей идентичности. Забвение здесь всегда является условием обретения новой идентичности [10, 439–446].

Выделяя основные черты забвения, философ представляет нам особенности обретения идентичности индивидом и обществом, считая, что в основу процесса заложено свойство человека сосредоточивать свое внимание на травмирующих его сознание страницах истории. Эти страницы становятся травмирующими в силу динамики исторических преобразований, когда люди теряют себя, безвозвратно утрачивается прежняя идентичность и на смену ей приходит новая — историческая и культурная. «И нет примирения прежней и новой идентичности... Новая во многом конституируется травмой от потери прежней идентичности — и именно *в этом* заключается ее главное содержание» [10, 445–446]. Такой философский подход позволяет понять, каким образом память и забвение органичны в своем един-

стве, почему публицист никогда не смирится с забвением тех страниц истории, которые ему видятся достойными памяти, и почему новая идентичность российского общества строится не только на памяти о прекрасных страницах истории России, но и на забвении не вписывающихся в идеологическую парадигму современности фактов прошлого.

Следует присмотреться к тому, что думают о публицистике М. Кураева участники фокус-группы — студенты, которым новая идентичность России близка по возрасту. Среди мнений молодых людей заслуживает выделения несколько позиций.

Так, Анастасия сразу же резко проводит черту между своими взглядами и точкой зрения писателя. В публицисте усматривает «создателя — на свой лад — исторических мифов, видит в его статьях односторонность и предвзятость».

Ольга, другая участница фокус-группы, вопрос рассматривает иначе: «Амбивалентность характера исторической памяти и ее проектирование журналистами крайне важный аксиологический вопрос. Для человека массового общества события прошлого строятся в зависимости от политической обстановки, и поэтому закономерен вопрос о подлинности памяти, так как гарантии, что новый облик прошлого является более верным и точным по сравнению с предыдущим, нет. Медиа не минует ретрансляция ценностей, их переосмысление и даже отторжение. Это неизбежно. Однако неизменным должно оставаться верное понимание единственной ценности — ценности жизни, это ее культурный код».

Никита в определенном аспекте продолжает сказанное Ольгой, но при этом исходит из особой ценности подлинности истории, потому что «только совмещая факты и память, можно воссоздать цельную картину прошлого. Созданные образы прошлого будут выступать как модели, помогающие ориентироваться в мире». Сказанное студентом дополняет его однокурсница Елизавета, в целом актуализируя содержание проанализированных статей: «Проблема исторического беспамятства/амнезии, нежелания знать прошлое, злободневна для общества, тонущего в усердно тиражируемых фейках в условиях проведения специальной военной операции на Украине, отсутствия в стране единой ценностной и идеологической основы».

Пожалуй, максимально емкие выводы были сделаны двумя студентами — Анной и Романом. Молодой человек склонен к анализу статей Кураева с точки зрения разрешения задач, поставленных временем перед российской журналистикой: «Журналистика формирует историческую память, и за это на нее возложена великая ответственность... Искажение фактов истории ставит под угрозу не только настоящее, но и будущее, и может привести к разрыву ее «мировоззренческих универсалий». Девушка сосредоточила внимание на философском ракурсе дис-

кутируемой проблемы. По ее мнению, «понимание прошлого и уважение к нему формирует трезвое отношение к настоящему и сознательное отношение к будущему. Историческая память, несмотря на ее неполноту и противоречивость, обладает большой потенциальной силой, способностью сохранять в массовом сознании оценки прошлого, которые превращаются в ценностные ориентации, определяющие действия людей».

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ диалектического единства памяти и забвения в публицистике, прежде всего, позволяет установить, что мы имеем дело с одним феноменом — «памятью/забвением», который явственно дает о себе знать в журналистских произведениях, касающихся проблем исторической памяти. Это объясняется тем, что в настоящее время в российском социуме идет процесс обретения новой идентичности, отличной от прежних ее состояний. Новая и прежняя идентичности находятся в фазе противостояния, они питают не сходящиеся между собой политические идеологии, отчего события и факты истории по-разному выглядят в представлениях сторон: на ступает крайность, которая ведет к искусственному забвению определенных страниц прошлого, а также к приданию чрезмерной значимости другим событиям минувших столетий.

С развитием информационных технологий и образованием глобального цифрового пространства ученые отмечают явление всеобщей медиатизации социальной реальности. Медиатизация означает не только представленность объекта в информационном поле социума, но и его символизацию, то есть закрепление за ним определенного образа. Подобным образом медиа влияют на историческое познание, изменяя реальность истории, делая ее в высшей степени субъективно ориентированной. Медиафакты исторической памяти закрепляются в культурных символах, воплощающих в себе доминирующие в обществе ценности, являются их носителями.

В основе процесса свойство человека останавливать свое внимание на травмирующих его сознание страницах истории — политических разломов, когда социум безвозвратно утрачивает прежнюю идентичность, а на смену ей приходит новая — историческая и культурная. Новая конституируется травмой от потери прежней. Такой подход позволяет понять, каким образом память и забвение органичны в своем единстве, почему публицист никогда не смирится с забвением страниц истории, которые ему видятся достойными памяти, и почему новая идентичность российского общества строится не только на памяти о прекрасных страницах истории России, но и на забвении не вписывающихся в идеологическую парадигму современности фактов прошлого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Костина Е. Н. Память, забвение, идентичность: диалектика феноменов / Е. Н. Костина // Ученые записки Казан. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки.— 2011.— Т. 153.— № 1.— С. 60–65.
2. Тульчинский Г. Л. Соотношение исторической и культурной памяти: практики забвения / Г. Л. Тульчинский // Социально-политические науки.— 2016.— № 4.— С. 10–13.
3. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман.— М., 2004.
4. Кураев М. Календарь новой России. Кому не нужна наша история? / М. Кураев // СПб. ведомости.— 2022.— 7 февр.
5. Кураев М. Забытая дата. Как Александр II отменил крепостное право в России / М. Кураев // СПб. ведомости.— 2022.— 21 февр.
6. Кураев М. Исторический контекст. Кому не нужна наша история? / М. Кураев // СПб. ведомости.— 2022.— 10 марта.
7. Кураев М. Кому не нужна наша история? О вступлении русских войск в Париж / М. Кураев // СПб. ведомости.— 2022.— 31 марта.
8. Очеретяный К. А. Фейк — единица цифрового опыта / К. А. Очеретяный // Философская аналитика цифровой эпохи: сб. науч. статей.— СПб., 2020.
9. Жижек С. Киберпространство, или Невыносимая запутанность бытия / С. Жижек // Искусство кино.— 1998.— № 1.— С. 119–128.
10. Анкерсмит Ф. Р. Возвышенный исторический опыт / Ф. Р. Анкерсмит.— М., 2007.
11. Тюкина Л. А. Память и историческая память: соотношение понятий / Л. А. Тюкина // Верхневолжский филологический вестник.— 2020.— № 1 (20).— С. 181–187.
12. Артамонов Д. С. Медиатизация истории и проблемы исторического образования в цифровом мире / Д. С. Артамонов, С. В. Тихонова // Современное культурно-образовательное пространство гуманитарных и социальных наук: Матер. VIII междунар. науч. конференции.— Саратов, 2020.— С. 357–365.
13. Горин И. Н. Культурно-исторические символы и историческая память / И. Н. Горин, В. В. Менщиков // Историко-педагогические чтения.— 2007.— № 11.— С. 74–78.
14. Лотман Ю. М. Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров: Статьи. Исследования. Заметки / Ю. М. Лотман.— СПб., 2000.— С. 673–676.
15. Кочеляева Н. А. Проблемы взаимодействия механизмов памяти и забвения в формировании гражданского общества / Н. А. Кочеляева // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке.— М., 2012.
16. Рикёр П. Память, история, забвение / П. Рикёр.— М., 2004.
17. Логунова Л. Ю. Историческая и социальная память: парадоксы и смыслы / Л. Ю. Логунова // Идеи и идеалы.— 2019.— Т. 11.— № 1.— Ч. 2.— С. 227–253.

Санкт-Петербургский государственный университет
Сидоров В. А., доктор философских наук, профессор кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций
E-mail: vsidorov47@gmail.com

St. Petersburg State University
Sidorov V. A., Doctor of Philosophy, Professor of the Theory of Journalism and Mass Communications Department
E-mail: vsidorov47@gmail.com